

Нѣсколько словъ о гончихъ и подружейныхъ собакахъ.

Всѣ столь многочисленныя и разнообразныя породы нашихъ домашнихъ собакъ несомнѣнно происходятъ отъ дикихъ предковъ, прирученныхъ человѣкомъ. Когда и въ какой странѣ началось это прирученіе—неизвѣстно. Многіе ученые трудились надъ рѣшеніемъ этого вопроса, но онъ, теряясь во мракѣ времени, остался нерѣшеннымъ. Однако достовѣрно извѣстно, что собаки, какъ домашнія животныя, уже существовали въ то доисторическое время, когда въ Европѣ жили мамонты, а человѣкъ пользовался кремневыми орудіями, т.-е. въ періодъ «каменнаго вѣка». Въ очень отдаленное, но уже историческое время существовало нѣсколько породъ домашнихъ собакъ: охотничьи, дворныя, комнатныя собачки и т. д., что доказывается сохранившимися ихъ изображеніями того времени. Существовать изображенія собакъ отъ 3400 до 2100 лѣтъ до Р. Хр. Эти изображенія сходны съ борзыми, а болѣе позднія,—съ висачими ушами, но съ болѣе острой головой,—похожи на современныхъ гончихъ; также сохранилось изображеніе таксы, весьма схожей съ современной. Самая древняя собака, изображенная на египетскихъ памятникахъ, похожа на борзую, но съ длинными, острыми ушами и короткимъ загнутымъ хвостомъ, весьма схожа съ существующей до сихъ поръ собакой, живущей въ С. Африкѣ. Такимъ образомъ, 4—5 тысячъ лѣтъ тому назадъ уже существовали породы: борзыхъ, гончихъ, дворныхъ и таксъ, болѣе или менѣе сходныя съ современными породами. Относительно дикаго предка домашнихъ собакъ мнѣнія ученыхъ, интересовавшихся этимъ вопросомъ, значительно расходятся: одни изъ нихъ полагаютъ, что этимъ предкомъ былъ волкъ, другіе,—что имъ былъ шакалъ, третьи считаютъ такимъ пред-

комъ одного изъ хищниковъ, теперь уже вымершаго, жившаго въ Сѣверной Африкѣ. Между учеными было наиболѣе распространено мнѣніе, что домашнія собаки произошли не отъ одного какого-либо вида дикихъ собакъ, а отъ нѣсколькихъ. Это мнѣніе раздѣляетъ и Ч. Дарвинъ, который въ одномъ изъ своихъ сочиненій говоритъ: «Крайне невѣроятно, чтобы человѣкъ во всемъ мірѣ приручилъ одинъ единственный видъ изъ столь распространенныхъ, полезныхъ и легко приручаемыхъ видовъ дикихъ собакъ». Организациа собакъ доказываетъ, что онѣ могутъ питаться не исключительно только мясомъ, почему онѣ и не такъ свирѣпы, какъ другіе хищники, напр., кошки; наоборотъ, онѣ добродушны и кротки. Внѣшнія чувства собакъ—зрѣніе, слухъ и обоняніе—развиты превосходно, а интеллектуальныя способности ставятъ ихъ, въ ряду другихъ домашнихъ животныхъ, на первое мѣсто. Всѣ породы собакъ, по неподкупности, вѣрности и преданности, представляютъ собой истинныхъ друзей человѣка. Собаки разныхъ породъ, по тѣлосложенію, величинѣ, характеру и умственнымъ способностямъ, чрезвычайно разнообразны: однѣ породы грубы, упрямы и злы; другія добродушны, кротки и ласковы; нѣкоторыя изъ породъ умны и понятливы; но есть породы и очень тупыя въ умственномъ отношеніи. Собаки современныхъ породъ, подъ вліяніемъ долговременной культуры, образа жизни, климата и скрещиваній, значительно удалились отъ типа и характера своихъ предковъ, къ которымъ наиболѣе близки собаки, такъ называемой, сѣверной породы (*Canis familiaris domesticus borealis*), породы распространенной между сибирскими инородцами и сѣвероамериканскими дикими племенами. Эта порода отличается коренастымъ туловищемъ, заостренной мордой, стоячими ушами, длинной косматой шерстью, повислымъ хвостомъ, взглядомъ изподлобья и косымъ разрѣзомъ глазъ. Масть этихъ собакъ разнообразна, но болѣе характерная—волчья. Вообще эти собаки своей наружностью болѣе напоминаютъ дикаго звѣря, чѣмъ домашнее животное, да и нравъ ихъ вполне гармонируетъ съ дикимъ видомъ. Такъ, напр., стая ѣдovýchъ сѣверныхъ собакъ, запряженная въ нарги (легкія санки), особенно, если она проголодалась, при встрѣчѣ съ одинокимъ, хотя бы и домашнимъ оленемъ, несмотря на кладъ, даже и на присутствіе сѣдока, бросается въ погоню за животнымъ, которое преслѣдуетъ, пока оно не будетъ разорвано и съѣдено. Пока собаки не найдутся, нечего и думать о томъ, чтобы заставить ихъ исполнять свою

обязанность—тащить нарты далѣе, въ желанномъ направленіи. Въ близкомъ родствѣ съ породой сѣверныхъ собакъ стоятъ: лайки, наши обыкновенныя дворянскія, шпицы и шотландскія овчарки (колли); однако ихъ нравъ, подъ вліяніемъ культуры, значительно смягчился, а тѣлосложеніе измѣнилось. Между породами современныхъ собакъ, умомъ, понятливостью и памятью, особенно выдѣляется порода пуделей, которая обнаруживаетъ почти человѣческую сообразительность.

Каждый хищный звѣрь, питающійся мясомъ, по необходимости — охотникъ; охота его кормить, безъ нея онъ не могъ бы существовать. Охота же собаки, получающей готовую пищу изъ рукъ человѣка, носить вполне безкорыстный, спортсменскій характеръ и есть проявленіе врожденной охотничьей страсти. Лишь немногія породы собакъ могутъ быть названы охотничьими, т.-е. обладающими въ достаточной мѣрѣ охотничьей страстью и способностями; такихъ породъ сравнительно мало. Охотники пользуются этими породами собакъ, какъ пособниками при охотѣ по звѣрю и по перу. У насъ, въ Россіи, для охоты по звѣрю пользуются нѣсколькими породами гончихъ, а для охоты по перу разными породами подружейныхъ собакъ. О травильныхъ собакъ (борзыхъ) я говорить не буду, такъ какъ это не входитъ въ сферу моей компетенціи. Между русскими охотниками распространены гончія разныхъ породъ, въ огромномъ большинствѣ—породъ мѣшаныхъ, гончія же породъ чистыхъ теперь почти не встрѣчаются. Гончія, умомъ и понятливостью, если и не выдаются среди собакъ другихъ охотничьихъ породъ, то нисколько и не уступаютъ имъ въ этомъ отношеніи. Мнѣ извѣстны нѣсколько случаевъ, въ которыхъ ярко высказывается сообразительность гончихъ, такъ, напр., у одного изъ моихъ пріятелей, страстнаго любителя гончихъ, былъ выжлецъ «Говоръ», который за свое благонравіе пользовался полной свободой въ предѣлахъ усадьбы, тогда какъ гончія стаи постоянно были заперты въ высокой, прочной загородкѣ, устроенной такъ, что ни подкопаться подъ нее, ни перескочить черезъ нее рѣшительно не было возможности. Въ загородку вела дверь, отворявшаяся внутрь и запиравшаяся накладкой на пробой, въ который вкладывался деревянный колышекъ. «Говоръ» могъ уходить съ двора усадьбы въ окружающій ее лѣсъ, гдѣ онъ гонялъ по зайцамъ, когда и сколько ему хотѣлось. Нерѣдко, къ общему удивленію, въ тотъ же лѣсъ изъ загородки уходила и вся стая, а со

стаей уходилъ и «Говоръ». Долго не понимали, кто выпускаетъ гончихъ изъ загородки; думали то на того, то на другого изъ рабочихъ; хозяинъ сердился и бранился, но это дѣлу не помогало, — кто-то продолжалъ выпускать собакъ. Наконецъ случайно увидѣли, что это дѣлаетъ «Говоръ»! А дѣлалъ онъ это такимъ образомъ: ставъ на заднія лапы, онъ зубами вытаскивалъ изъ пробоя деревянный колышекъ, передними лапами откидывалъ накладку, а затѣмъ тяжестью своего тѣла распахивалъ дверь въ загородку. Стая, конечно, сейчасъ же и уходила въ лѣсъ, а съ ней уходилъ и хитроумный «Говоръ», вѣроятно предпочитавшій охоту въ обществѣ товарищей охотѣ въ одиночку.

Продѣлки «Говора» прекратились только тогда, когда вмѣсто колышка пробой стали запирать замкомъ. Объ этомъ случаѣ мнѣ рассказывалъ владѣлецъ Говора и стаи, человекъ очень правдивый, никогда не привиравшій, да въ данномъ случаѣ ему и врать-то не было никакого основанія. Сообразительность гончихъ видна и въ томъ случаѣ, о которомъ я уже упоминалъ въ моихъ «Воспоминаніяхъ охотника»: — принадлежавшіе мнѣ выжлецы «Штурмъ» и «Заливай» съ улицы дергали за веревку звонка, чтобы имъ отворили постоянно запертую калитку и впустили во дворъ. Считаю нелишнимъ рассказать еще одинъ случай, характеризующіймышленность тѣхъ же выжлецовъ: у моего пріятеля и постоянного товарища на охотѣ съ гончими, Н. Ив. Костылева, имѣлся смычокъ гончихъ; оба выжлецы; одинъ изъ нихъ, чепрачный «Флаготь», по охотничьимъ качествамъ былъ самая заурядная посредственность, а другой, черно-пѣчій «Турило», широкій, сухой и мускулистый выжлецъ, повидимому англо-русской породы, отличался чрезвычайной паратостью, такъ что при гонѣ по зайцу онъ, какъ говорится, «висѣлъ у него на хвостѣ»; голосъ у Турилы былъ плохой, какой-то гнусавый, слабый тенорокъ, а добычливости и мастерства у него не было вовсе. Впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ мы охотились съ Костылевымъ часто; наши собаки совершенно свыклись; дракъ и вообще ничего непріязненнаго между ними никогда не возникало, т.-е. не возникало ранѣе того случая, о которомъ я рассказываю. Каждый гонъ, въ которомъ участвовалъ Турило, былъ неровень, съ долгими перемолчками и уклоненіями въ стороны. Обыкновенно, при нашихъ совмѣстныхъ охотахъ, происходило слѣдующее: мои выжлецы, очень добычливые, тотъ или другой, побудятъ зайца и

дружно его погонять; къ нимъ подвалилъ Турило; благодаря своей исключительной чаратости, угонить зайца, стеряетъ слѣдъ и смолкнетъ, въ ожиданіи, пока мои собаки не справятъ утеряннаго ими слѣда; затѣмъ слѣдовало повтореніе той же исторіи. Такъ бывало постоянно. Однажды зимой мы охотились у с. Александрова; собаки гоняли русака; гонъ смолкъ въ кустарникѣ; рассчитывая помочь собакамъ, я пошелъ туда. Въ кустахъ я сейчасъ же увидѣлъ гонный слѣдъ русака и моихъ выжлецовъ, кружащихъ по кустарнику, видимо старающихся справиться утерянный слѣдъ. Вскорѣ сюда же явился и Турило, при видѣ котораго мои выжлецы заворчали такъ внушительно, что я долженъ былъ на нихъ прикрикнуть. Тогда еще я подумалъ: неужели собаки понимаютъ, что Турило портитъ гонъ и ворчаніемъ выражаютъ ему свое неудовольствіе? Вскорѣ затѣмъ послѣдовавшій случай, какъ мнѣ кажется, отвѣтилъ на мой вопросъ довольно ясно. Той же зимой я охотился съ тѣмъ же Костылевымъ въ овражистомъ, съ березовой зарослью, островѣ; собаки гоняли по русаку и, благодаря присутствію Турилы, съ обычными перемолчками. Долго я стоялъ въ березовой заросли на одной изъ сторонъ оврага, поджидая русока, но голоса собакъ, послѣ перемолчки, послышались по другую сторону оврага. По сугробамъ наносовъ съ большими затрудненіями перебрался я черезъ оврагъ и вышелъ на опушку противоположной стороны острова, гдѣ и остановился. У меня передъ глазами раскинулся давно знакомый видъ родного зимняго пейзажа: на далекое пространство протянулась равнина покрытыхъ снѣгомъ полей, по которой невдалекѣ протянулась темная извилистая линія низкихъ, корявыхъ, обнаженныхъ отъ листвы дубовыхъ кустиковъ, видимо растущихъ по берегу рядомъ лежащаго оврага; подальше, видны осины и березы другого сосѣдняго острова; а вдали, почти у самаго горизонта, виднѣются полузанесенныя крышки домовъ маленькой деревушки. Полеми, отъ меня шаговъ на сотню, прошелъ русакъ, котораго я, за дальностью разстоянія, пропустилъ безъ выстрѣла, а по его слѣду, рядомъ, какъ пара дышловыхъ лошадей, азартно голоса, идутъ мои выжлецы; вскорѣ ихъ догоняетъ и обходитъ Турило, причѣмъ онъ толкнулъ Заливая, который тутъ же; на гону; моментально влѣпился ему въ шиворотъ; Штурмъ помогъ, и они, сваливъ Турилу съ ногъ, принялись таскать его по снѣгу и клочить. Турило даже и не защищался!—По-дѣломъ тебѣ, подлецу,—подумалъ я. Однако,

опасаясь, какъ бы озлобившіеся выжлецы не выпустили ему кишекъ, я поспѣшилъ на помощь. Послѣ окрика и хлопка арапника мои выжлецы бросили Турилу, который послѣ такой основательной трепки, полежавъ въ снѣгу, всталъ на ноги, отряхнулся и молча по слѣду скрывшагося русака.

Кромѣ ума и сообразительности, присущихъ и другимъ породамъ собакъ, гончія обладаютъ еще особенной, свойственной ихъ породѣ, врожденной способностью оріентироваться даже и въ незнакомой имъ мѣстности и безошибочно избирать вѣрное направленіе къ тому пункту, къ которому онѣ желаютъ возвратиться. Еслибы гончія не обладали этой способностью, то очень часто и много терялось бы ихъ на охотѣ, гдѣ звѣрь нерѣдко уводитъ за собой собакъ на много верстъ отъ мѣста напуска. Я знаю два случая, въ которыхъ рѣзко выражается эта исключительная способность гончихъ: смычокъ гончихъ—выжлецъ и въ послѣднемъ періодѣ ценности выжловка—были куплены у одного изъ моихъ знакомыхъ, охотника и любителя гончихъ, проживавшаго въ Зарайскомъ уѣздѣ. Гончія изъ усадьбы ихъ владѣльца были отведены на Луховицкую станцію Рязанской ж. дороги, гдѣ были посажены въ закрытый вагонъ и отвезены въ Рязань. Изъ Рязани собакъ отвели верстъ за 20, въ усадьбу покупателя. Тамъ ихъ помѣстили въ кирпичномъ, на фундаментѣ, сараѣ, гдѣ выжловка вскорѣ оценилась. Уходъ и надзоръ за собаками былъ порученъ надежному человѣку и былъ самый тщательный. Повидимому собаки стали привыкать къ новому мѣстожителю. Прошло нѣсколько времени; щенки проглянули; казалось, все идетъ хорошо; но однажды утромъ въ сараѣ собакъ не оказалось—тамъ остались лишь щенки. Осмотръ сарая открылъ, что собаки сдѣлали солидныхъ размѣровъ подкопъ подъ фундаментъ сарая, черезъ который и ушли неизвестно куда. Вечеромъ того же дня выжловка возвратилась въ усадьбу. Думали, что она соскучилась по брошеннымъ ею щенкамъ, вѣрнѣе же—ее стало тяготить накопившееся втеченіе дня молоко, а выжлецъ «какъ въ воду акнулъ». Долгое время о немъ, несмотря на всѣ розыски, «не было ни слуха, ни духа»; почти черезъ 2 мѣсяца послѣ побѣга выжлецъ исхудавшій и изнуренный, явился въ усадьбу своего прежняго хозяина, который, будучи нѣсколько сентиментальнымъ человѣкомъ, тронутый вѣрностью своего «Фагота», возвратилъ деньги покупщику и наотрѣвъ отказался продать за какую бы то ни было цѣну

такого вѣрнаго слугу. Слѣдуетъ замѣтить, что усадьба хозяина «Фагота» отъ мѣста его побѣга отстоитъ болѣе чѣмъ на 70 верстъ. Другой случай, подобный первому, еще болѣе поразителенъ. Рязанскій охотникъ, Николай Карловичъ Шпейеръ, черезъ посредство одного изъ своихъ многочисленныхъ знакомыхъ купилъ у какого-то лѣсника, жившаго въ Подольскомъ уѣздѣ Московской губ., выжловку, работу которой ему очень хвалили. Выжловка въ вагонѣ Курской жел. дороги доѣхала до Москвы; тамъ, въ пролеткѣ извозчика, ее перевезли на Рязанскій вокзалъ и по Казанской жел. дорогѣ доставили въ Рязань. Николай Карловичъ, старый опытный охотникъ, хорошо зналъ характеръ гончихъ, всегда стремящихся возвратиться въ то мѣсто, гдѣ онѣ выросли и жили прежде, для чего всегда готовы воспользоваться малѣйшей оплошностью или недосмотромъ своего новаго хозяина. Зная это, онъ принялъ возможныя мѣры осторожности, чтобы предупредить побѣгъ выжловки, даже ни разу не бракъ ее на охоту. Прошла осень и часть зимы. Вначалѣ марта ледаколы возили ледъ для набивки погребовъ принадлежащей ему гостинницы, почему ворота, обыкновенно бывшія на запорѣ, часто оставались открытыми, конечно только на самое короткое время, для проѣзда воевъ съ льдомъ. Выжловка и воспользовалась этимъ обстоятельствомъ: она выскочила на улицу и побѣжала по Почтовой улицѣ по направленію къ Московской заставѣ; бѣгство выжловки замѣтили и за ней въ погоню сейчасъ же былъ посланъ верховой, который возвратился уже вечеромъ, но безъ собаки. По его словамъ, онъ догналъ ее за городомъ, на Московскомъ шоссе, но вернуть не могъ, такъ какъ выжловка упорно бѣжала по шоссе, не обращая вниманія на всѣ его оклики и призывы, а когда онъ къ ней приближался или обгонялъ, то она, перескочивъ шоссейную канаву, бѣжала параллельно шоссе полемъ; на лошади же переѣзжать канаву было затруднительно и мѣшкотно.

Посланный, не теряя надежды вернуть собаку, продолжалъ преслѣдованіе, рассчитывая на то, что собака его хорошо знаетъ, такъ какъ именно онъ ее кормилъ все время, пока она жила у Шпейера. Посланный нѣсколько разъ переѣзжалъ занесенную снѣгомъ канаву то въ ту, то въ другую сторону, а выжловка каждый разъ перескакивала канаву въ обратную сторону и упорно продолжала бѣжать впередъ то полемъ, то по шоссе. Видя, что онъ совершенно напрасно вконецъ измучаетъ лошадь, а собаки не вернуть,

посланный бросилъ эту неравную игру и возвратился домой. Спустя долгое время Николай Карловичъ получилъ письмо изъ Подольска, въ которомъ его извѣщали, что бѣжавшая выжловка возвратилась къ своему прежнему хозяину, лѣснику.

Рассказанные случаи возвращенія гончихъ на мѣста, гдѣ онѣ прежде жили, къ своимъ прежнимъ хозяевамъ, я передалъ совершенно такъ, какъ лично слышалъ эти рассказы отъ Николая Карловича и владѣльца «Фагота». Оба эти лица были извѣстные, всѣми уважаемые люди, правдивость которыхъ была выше всякаго сомнѣнiя; наконецъ, для нихъ рѣшительно не могло существовать никакой цѣли, чтобы сочинять небылицы. Въ настоящее время охота съ гончими, вслѣдствіе разнообразныхъ и многихъ причинъ, замѣтно падаетъ: много ли теперь осталось большихъ комплектныхъ охотъ? Одна, двѣ, да и обчелся. Охота съ гончими постепенно перешла въ руки мелкихъ охотниковъ-ружейниковъ; они-то преимущественно держать и разводятъ гончихъ, конечно держать и разводятъ такихъ собакъ, какихъ имъ удалось достать безъ крупныхъ денежныхъ издержекъ. Вести породу хорошихъ гончихъ они не могутъ, такъ какъ приобрѣтеніе хорошихъ, породистыхъ производителей имъ не по карману, а если и по карману, то для того имъ не хватаетъ достаточныхъ знаній. Оттого-то у нихъ ничего путнаго и не выходитъ; оттого-то на ихъ гончихъ, безтипныхъ и безладныхъ, каждый понимающій охотникъ смотритъ съ усмѣшкой. Теперь многіе—даже и не охотники—занимаются разведеніемъ собакъ разныхъ породъ, начиная съ комнатныхъ собачекъ, водолазовъ, пуделей, мнимыхъ сенъ-бернаровъ, и кончая породами собакъ охотничьихъ: таксъ, фоксъ-терьеровъ, пойнтеровъ, легашей, сеттеровъ и гончихъ.

Собаки разводятся для продажи т. е. съ чисто-коммерческой цѣлью. Ихъ ставятъ на выставки, въ надеждѣ, не получить ли какая-нибудь изъ нихъ, хотя бы фуксомъ, крупную награду, въ видѣ медали, которая, какъ *реклама*, могла бы вызвать спросъ на никому до того времени неизвѣстныхъ собакъ счастливаго владѣльца случайнаго медальера. Эти господа задолго до выставки готовятъ къ ней своихъ собакъ, волнуются, соображаютъ, стараются узнать имена экспертовъ, горячо и много говорятъ о своихъ, соображеніяхъ, мечтахъ и надеждахъ, впослѣдствіи же раздражаются и бранятъ судей за ихъ, будто бы, несправедливость къ ихъ собакамъ. Эти, такъ называемые, *выставочные спортсмены*, непремѣнные участники

каждой выставки; между ними есть и такіе, которые перевозятъ своихъ, всѣмъ намозолившихъ глаза, собакъ съ одной выставки на другую—послѣдующую. Эти люди одержимы какой-то исключительной страстью къ выставочному спорту; въ числѣ такихъ спортсменовъ фигурируютъ даже нѣсколько дамъ-любительницъ собакъ. По правдѣ сказать, гг. выставочные спортсмены охотничьему дѣлу пользы приносятъ очень мало, да и роль ихъ въ этомъ дѣлѣ совершенно ничтожна. Многіе изъ нихъ даже и не охотники, а люди, знакомые съ охотой лишь весьма поверхностно. Главной пружиной ихъ дѣятельности является не охотничья страсть, а корысть и тщеславіе. Нетрудно понять, что розовыя мечты и радужныя надежды гг. и г-жъ выставочныхъ спортсменовъ, въ большинствѣ случаевъ, лопаются, какъ мыльные пузыри, потому что ихъ собаки беспородны, плохи ладами, а что главное,—не имѣютъ никакой репутаціи хорошихъ полевыхъ собакъ, почему онѣ среди охотниковъ и не имѣютъ никакого спроса. Кто же, въ самомъ дѣлѣ, кромѣ неопытнаго *пижона*, рѣшится затратить крупную сумму (гг. выставочные спортсмены цѣнятъ своихъ собакъ очень высоко) на покупку собаки сомнительныхъ полевыхъ достоинствъ? Такихъ пижоновъ въ настоящее время становится все менѣе и менѣе. Должно быть, люди быстро умѣютъ и дѣлаются болѣе практичными. Потребность въ гончихъ годъ отъ году уменьшается, и кажется, что охота съ гончими близится къ концу: ее постепенно вытѣсняетъ охота по перу съ подружейной собакой; эта послѣдняя повидимому держится устойчиво и общаетъ существовать долгое время. Оно и понятно: содержаніе одной-двухъ подружейныхъ собакъ доступно каждому даже и малосостоятельному охотнику, мѣста же для охоты по перу всегда найдутся, если охотники во-время догадались организовать въ общества и кружки и озаботились строго охранять дичь въ арендованныхъ ими угодьяхъ.

Аренда охотничьихъ угодій, равно и охрана ихъ отъ двуногихъ, четвероногихъ и пернатыхъ хищниковъ стоитъ довольно дорого, но что недоступно одному лицу, то весьма доступно многимъ. Въ настоящее время охотничьихъ обществъ и кружковъ существуетъ много, но очень немногіе изъ нихъ могутъ похвалиться успѣшностью и порядкомъ своихъ дѣлъ; во многихъ же изъ нихъ, между членами возникаютъ разныя интриги, происки, мелкіе личные счеты и вражда, вносящіе въ общество начала разложенія, которыя губятъ общее полезное дѣло и неизбѣжно ведутъ къ печальному концу.

У охотниковъ по перу, какъ столичныхъ, такъ и провинціальныхъ, встрѣчаются подружейныя собаки разныхъ породъ, преимущественно англійскихъ, т.-е. пойнтера и сеттера; легавыхъ же собакъ почти не видно, хотя эти послѣднія отличаются выдающимся умомъ, послушаніемъ и очень легко дрессируются. Исчезновеніе легавыхъ собакъ легко объясняется тѣмъ, что полевые качества легашей значительно уступаютъ полевымъ качествамъ англійскихъ подружейныхъ собакъ. Хотя случается иногда слышать или читать рассказы старыхъ охотниковъ о превосходныхъ легавыхъ собакахъ прошлыхъ временъ, но эти собаки давно исчезли, а современные легавыя, съ ихъ короткимъ поискомъ и слабымъ чутьемъ, настолько плохи, что едва ли порядочный современный охотникъ станетъ держать такую собаку. Что касается пойнтеровъ желто-пѣгихъ и кофейно-пѣгихъ, то порода этихъ собакъ обладаетъ многими охотничьими достоинствами, хотя имѣетъ и крупные недостатки. Самое цѣнное качество пойнтера то, что въ его крови много огня и охотничьей страсти, чего очень мало у легаша; природа наградила пойнтера быстрымъ широкимъ поискомъ, прекраснымъ чутьемъ и стойкой, но онъ, какъ говорится, «безъ царя въ головѣ»; въ пылу страсти пойнтеръ иногда шалѣетъ, забываетъ о своемъ хозяинѣ-охотникѣ и охотится «для себя»; въ пылу той же страсти склоненъ дурить, забывая уроки своего дрессировщика, такъ что охотникъ, въ предупрежденіе разныхъ безобразій, долженъ постоянно слѣдить за его дѣйствіями и сдерживать его порывы, особенно при лѣсной охотѣ, для чего охотнику приходится часто на него покрикивать и свистать, что далеко невесело, да и строгая лѣсная дичь, боящаяся человѣческаго голоса, можетъ заблаговременно укрыться въ безопасное для нея мѣсто. Пойнтеръ во время потяжки по сторожке, быстро бѣгущей лѣсной птицѣ, какъ, напр., по старику-косачу, или глухарю, недостаточно остороженъ, онъ слишкомъ «нажимаетъ», отчего косачъ и глухарь часто срываются то слишкомъ далеко отъ охотника (внѣ выстрѣла), то въ неудобномъ для выстрѣла мѣстѣ, что мнѣ приходилось видѣть сотни разъ, такъ какъ большая часть моихъ подружейныхъ собакъ были пойнтеръ. Такимъ образомъ, я могъ убѣдиться на опытѣ, что сторожкая лѣсная дичь представляетъ собой такой фруктъ, который далеко не по зубамъ каждому пойнтеру, хотя бы и прекрасно работающему по болѣе *смирной* дичи, а владѣльцы такихъ пойнтеровъ, успѣшно бьющіе изъ - подъ нихъ дупелей, бекасовъ, перепеловъ

тетеревятъ, вальдшнеповъ, бѣлыхъ и сѣрыхъ куропадокъ и другую смирную дичь, могутъ успѣшно стрѣлять и строгую лѣсную птицу, но при условіи стрѣлять ее «серебряной дробью». Конечно бываютъ исключенія,—они вездѣ бываютъ,—но исключенія въ счетъ не идутъ и правила не составляютъ. Сеттера всѣхъ трехъ породъ, т.-е. гордоны, ирландцы и англійскіе, (лавераки) нисколько не уступая пойнтерамъ въ охотничьихъ достоинствахъ, превосходятъ ихъ вѣжливостью, умомъ и мягкостью характера. У сеттера, какъ и у пойнтера, въ крови тоже много огня и охотничьей страсти, поискъ его такъ же быстръ и широкъ, но у него «есть царь въ головѣ»; всѣ дѣйствія сеттера на охотѣ разумны и осмысленны; онъ всегда помнитъ объ охотникѣ и не охотится только «для себя». Чутье и стойка сеттера одинаково хороши, какъ и пойнтера, но потяжка сеттера лучше, такъ какъ онъ болѣе сдержанъ, болѣе остороженъ. Съ сеттеромъ, конечно хорошо поставленнымъ, болѣе надежды успѣшно охотиться по лѣсу, чѣмъ съ пойнтеромъ, болѣе надежды стрѣлять изъ-подъ него строгую лѣсную дичь, стариковъ-косачей (не линьковъ) и глухарей.

Быть можетъ, поклонники пойнтеровъ мнѣ возразятъ, что стоитъ ли толковать объ охотѣ на строгую лѣсную дичь, когда пойнтеръ такъ хорошъ на охотѣ на всякую другую дичь. На такое возраженіе мнѣ пришлось бы отвѣтить, что у каждого свой вкусъ, да кстати напомнить и Крылова басню «Лисица и виноградъ».

Всѣ три породы сеттера мало разнятся между собой полевыми достоинствами, но значительно разнятся ладами и мастью. Гордонъ, особенно стараго типа, сложенъ тяжеловато, какъ бы мѣшковатъ, въ его движеніяхъ проглядываетъ нѣкоторая неловкость и отсутствіе изящества. Въ послѣднее время стали появляться гордоны болѣе легкаго типа. Этихъ собакъ мнѣ приходилось видѣть только на выставкахъ, въ полѣ же видѣть ихъ не довелось, почему ни хорошаго, ни дурного сказать о нихъ я не могу. Ирландецъ сложенъ легко и довольно элегантно, движенія его проворны и быстры. Англійскій сеттеръ, по стройности и элегантности сложенія, по граціи и красотѣ движеній, поистинѣ представляетъ собой аристократа между сеттерами, да и масть англійскаго сеттера (черно-пѣгая и желто-пѣгая), какъ болѣе замѣтная издали, предпочтительнѣй красной и черной масти ирландца и гордона. Впрочемъ, предпочтеніе той или другой породы сеттера всецѣло зависитъ отъ личнаго вкуса каждого охот-

ника, по полевымъ же достоинствамъ всѣ эти три породы совершенно одинаковы.

Неоднократно мнѣ приходилось слышать отъ разныхъ лицъ мнѣніе, что будто бы чутье пойнера много лучше, чѣмъ чутье сеттера. Правда, что это утверждали поклонники пойнтеровъ, ихъ мнѣніе не было достаточно обосновано и убѣдительно для безпристрастнаго слушателя. Не думаю, чтобы это мнѣніе было справедливо, такъ какъ если бы превосходство чутья пойнтеровъ было очевиднымъ фактомъ то каждый изъ охотниковъ не могъ бы его не замѣтить, а слѣдовательно и держалъ бы собакъ съ лучшимъ чутьемъ, т. е. пойнтеровъ. Однако мы этого не видимъ, такъ какъ сеттеровъ ничуть не меньше у охотниковъ, чѣмъ пойнтеровъ. Я охотился 50 лѣтъ, имѣлъ много подружейныхъ собакъ, еще болѣе видѣлъ собакъ у другихъ охотниковъ и, конечно, отъ меня не укрылось бы превосходство чутья пойнера, еслибы оно существовало въ дѣйствительности, а не въ воображеніи его поклонниковъ.

Положа руку на сердце, я, по личному опыту, могу сказать увѣренно, что чутье пойнера и сеттера равно хороши, конечно не у каждой собаки той или другой породы, но у одной собаки лучше, у другой хуже; мнѣ приходилось видѣть и пойнтеровъ и сеттеровъ съ одинаково превосходнымъ и одинаково плохимъ чутьемъ. Кромѣ того, не слѣдуетъ забывать, что хорошее чутье для подружейной собаки, хотя и представляетъ качество первостепенной важности, но еще не составляетъ *всего*, что требуется отъ хорошей полевой подружейной собаки, и что отъ нея требуются и многія другія полевые качества. Пойнтеръ, несмотря на нѣкоторые природныя недостатки его характера, все же можетъ быть великолѣпной подружейной собакой, хотя для его постановки иногда требуется болѣе труда и умѣнья, чѣмъ для постановки сеттера—собаки болѣе мягкаго характера. Зато пойнтеръ и сеттеръ — *неуки* для охоты равно непригодны, такъ какъ будутъ мѣшать охотнику сдѣлать выстрѣлъ, потому что быстро распугаютъ и разгонятъ вокругъ него все живое. Чѣмъ лучше поискъ и чутье такихъ неукъ, тѣмъ скорѣй и успѣшнѣй они выполнять эту задачу, столь непріятную каждому охотнику. Иногда приходится слышать или читать рассказы охотниковъ о собакахъ, которыя будто бы не были знакомы съ дичью, никогда ранѣе не бывавшія на охотѣ, попавшія на нее случайно, вдругъ пошли, какъ опытные

подружейныя собаки, какъ бы по вдохновенію. Не отрицая возможности подобныхъ случаевъ и возможности существованія такихъ собакъ-феноменовъ, все же будетъ много надежнѣе, если охотникъ своевременно озаботится правильно «поставить» свою молодую собаку. Тогда охотнику не придется прибѣгать ни къ длиннымъ, ни къ короткимъ веревкамъ съ привязанными къ нимъ палками, ни къ другимъ какимъ-либо ухищреніямъ, иногда практикуемымъ охотниками, большей частью бесполезнымъ для дѣла, но всегда забавнымъ и смѣшнымъ въ глазахъ опытныхъ дрессировщиковъ.

Выше я сказалъ, что въ настоящее время у насъ охота съ гончими замѣтно падаетъ и близится къ концу. Взгляните на отдѣлъ гончихъ на любой выставкѣ, и вы увидите одно и то же: гончихъ собакъ выставлено сравнительно мало; онѣ выставлены смычками, либо одиночками; стай выставлено одна, много двѣ; собаки въ общемъ беспородны, бестипны, неудовлетворительны ладами. Все это говоритъ, что у охотниковъ интересъ къ гончимъ падаетъ. Между современными гончими блестящимъ исключеніемъ является багряная стая «першинскихъ» гончихъ. Я видѣлъ эту стаю нѣсколько разъ втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ, даже два раза, какъ судья по отдѣлу гончихъ, внимательно и подробно осматривалъ отдѣльно каждую собаку стаи. Стая богряныхъ «першинскихъ» гончихъ, насколько мнѣ извѣстно, происходитъ отъ собакъ Столыпина, Дурасова и Панчулидзева, но едва ли можетъ быть сомнѣніе, что въ крови «першинскихъ» гончихъ есть примѣсь французскихъ сенъ-губеровъ, примѣсь можетъ быть и отдаленная, но она, въ силу біологическаго закона *rivercui*, ясно проглядываетъ въ отдѣльныхъ ладахъ у нѣкоторыхъ собакъ стаи. Нѣкоторыя же изъ собакъ, въ силу того же неизбежнаго закона *rivercui*, поражаютъ своей типичностью, какъ *русскія гончія*. Терминъ «русская гончая» въ послѣднее время распространился между охотниками и сталъ общеупотребительнымъ. Возраженія и голоса противъ правильности термина теперь смолкли. Что же разумѣютъ охотники подъ именемъ русской гончей? Они разумѣютъ такую гончую, типъ и лады которой вполнѣ *опредѣленны* и рѣзко отличаются отъ типа и ладовъ гончихъ не русскихъ, т.-е. гончихъ французскихъ, польскихъ и англійскихъ. Типъ и лады русской гончей, тѣ, которые когда-то были описаны подъ общимъ названіемъ «*восочной гон-*

чей», къ которымъ относятся типы прежнихъ породъ: старинно-русской, пѣшей русской и костромской, породъ, имѣющихъ между собой въ общихъ чертахъ несомнѣнное родственное сходство, подобно тому, какъ сходны между собой вѣтви одного и того же дерева. Породы гончихъ старинно-русскихъ, пѣшихъ русскихъ и костромскихъ утратились и теперь въ чистомъ видѣ не встрѣчаются; остались лишь различныя помѣси этихъ породъ, но типъ «восточной гончей» въ нѣкоторыхъ собакахъ, въ большей или меньшей степени, — удержался. Такихъ-то гончихъ кто-то изъ охотниковъ, если не ошибаюсь, покойный баронъ Г. Д. Розенъ, называлъ «русскими гончими». Полагаю, что это названіе удачно и вполне правильно, такъ какъ оно можетъ быть приложимо исключительно къ гончей «восточнаго типа» и совершенно неприменимо къ гончимъ французскимъ, польскимъ и англійскимъ, гончимъ совсѣмъ иныхъ типовъ, рѣзко отличающихся отъ типа «восточной гончей». Возвращаюсь къ першинскимъ гончимъ. Стая этихъ собакъ эффектна и нарядна; она въ общихъ чертахъ, пожалуй, и однотипна, т.-е. однотипна настолько, насколько можетъ быть однотипна стая гончихъ, происшедшая отъ скрещиванія двухъ гончихъ породъ. Масть стаи багряная въ разныхъ оттѣнкахъ, т.-е. то болѣе свѣтлая, почти соловая, то болѣе темная у отдѣльныхъ собакъ; бѣлыхъ отмѣтокъ очень мало или же ихъ и вовсе нѣтъ. Собаки крупнаго роста, широкія, сухія, съ хорошо развитой мускулатурой и костью. Видѣть работу этихъ собакъ мнѣ не довелось, но о ней я слышалъ отъ нѣсколькихъ вполне достовѣрныхъ и понимающихъ дѣло охотниковъ (псовыхъ). Всѣ они въ одинъ голосъ хвалятъ работу этихъ гончихъ, ихъ полагъ, голоса, вязкость, паратость и злобу къ звѣрю. Порода першинскихъ гончихъ ведется строго: порочныхъ собакъ бракуютъ и сбываютъ; выжловокъ ставятъ лишь съ указанными выжлецами и т. п. Вообще багряная стая першинскихъ гончихъ представляетъ собой такой великолѣпный матеріалъ, изъ котораго, при систематичномъ и продолжительномъ подборѣ производителей по типу, ладамъ и досугу нетрудно получить чудныхъ русскихъ гончихъ, несравненныхъ какъ для псовой, такъ и, для ружейной охоты.

Н. П. Нашкаровъ.

